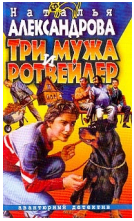
Наталья
АЛЕКСАНДРОВА
ТРИ МУЖА РОТТВЕЙЛЕР
ДЕТЕКТИВНЫЙ ДЕТЕКТИВ

Наталья Николаевна Александрова
Три мужа и ротвейлер

OCR LitPortal
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=122062
Александрова Н. Три мужа и ротвейлер: Роман : Издательский Дом «Нева»; СПб.; 2004
ISBN 5-7654-3687-0

Аннотация

Переводчица Лариса мечтала в тишине и спокойствии усесться за перевод французского романа, но не тут-то было! Она случайно становится свидетельницей загадочного убийства, и, как назло, попадается на глаза киллерам. А свидетеля грех не убрать с дороги. Злоумышленники всеми правдами и не правдами пытаются пробраться в квартиру Ларисы. Вся надежда – только на верного ротвейлера и трех бывших мужей, они просто не имеют права бросить Ларису на произвол судьбы.

Содержание

* * * 4
Конец ознакомительного фрагмента. 90

Наталья АЛЕКСАНДРОВА
ТРИ МУЖА И РОТВЕЙЛЕР

* * *

Гораций потащил меня в кусты. Я почти не сопротивлялась – попробуйте сопротивляться, когда вас тащит в кусты угрюмый ротвейлер шести лет отроду, – а я на вас посмотрю. К счастью, на мне была роскошная непромокаемая и почти пуленепробиваемая куртка береговой охраны Лос-Анджелеса – ее подарил мне мой муж Олег именно для таких случаев – не для того, чтобы тащили в кусты, а чтобы гулять с Горацием.

Эта береговая куртка была замечательно яркого желто-оранжевого цвета, который в другое время года виден на расстоянии сто – сто двадцать километров, потому что для береговой охраны Лос-Анджелеса это, по-видимому, важно. Но сейчас, сентябрьским погожим утром в Сосновке все было таким же ослепительно желто-оранжевым, и мою куртку вполне можно было считать маскхалатом.

Я нагнулась, чтобы разглядеть, что такого интересного нашел в кустах Гораций, но не увидела ничего,

кроме опавших листьев, веток и корней. Видимо, он просто обследовал визитные карточки своих соплеменников – можно так выразиться про собак?

Я рассердилась на Горация и подняла голову. Недалеко от места, где мы стояли, была еще одна аллея – не та, с которой меня уволок наглый ротвейлер, а другая, отделенная от нас густыми, почти непроходимыми кустами шиповника, но я могла видеть сквозь кусты все, что там происходило.

А происходило там вот что.

На скамейке спиной ко мне сидела довольно элегантная дама среднего, скажем так, возраста. Я эту женщину сразу узнала, точнее, сначала я узнала ее замечательное голландское пальто, темно-серое, с чуть заметным седоватым ворсом. Это пальто и эти хорошо уложенные рыжеватые волосы, не короткие и не длинные, я пару раз видела в своем подъезде. Дама была моей соседкой, точнее, соседкой Валентина Сергеича. И вот сейчас она сидит утром в Сосновке, одна…

Впрочем, она всегда была одна. Живет человек один, как я, например… Хотя, у меня есть Гораций.

Но тут к даме подсел мужчина. Неприятный такой мужчина… Что в нем было такого неприятного, я бы не смогла отчетливо сформулировать, но он был неприятный, уж вы мне поверьте. Мне была видна

только его спина и затылок, вот этот затылок с круглой плешью, как говорят в народе – «от чужих подушек» – и показался мне неприятным.

Мужчина заговорил с дамой, она повернулась к нему в профиль, и опять я не разглядела толком ее лица, потому что волосы были так уложены, что закрывали часть щеки, и виден был только нос. Но все равно, это была она, соседка Валентина Сергеевича.

Слов не было слышно, ведь мы с Горацием находились достаточно далеко, но видно было очень хорошо. Мужчина поднял руку и как-то слишком фамильярно протянул ее к женщине. Я подумала, что сейчас эта дама, такая солидная и чопорная, поставит наглеца на место, но она не шевельнулась.

Я с интересом за ней наблюдала, и мне все меньше и меньше нравилось то, что я вижу.

Дама совершенно не шевелилась. То есть ну просто абсолютно. Живой человек не может быть настолько неподвижен.

Неподалеку послышалось тарахтенье мотора, и на аллее, где я видела сидящую даму, появился мотороллер с прицепом – такой, знаете, маленький смешной грузовичок, на котором в садах и парках возят всякий инвентарь – лопаты, грабли, а осенью увозят опавшие листья и прочий мусор. Водитель мотороллера, молодой спортивный парень в комбинезоне,

подбежал к скамье… И в это время чертов ротвейлер, который разнюхал в этих кустах все, что его интересовало, так сильно дернул поводок, что я не удержалась, шлепнулась на опавшие листья и продолжила прогулку волоком. Однако что-то подсказало мне не орать на Горация сразу, а подождать, пока он не оттащит меня на достаточное расстояние. Наконец я тихонько шикнула «Тпру-у!» и затормозила. Потом намотала поводок на руку и осторожно приподнялась. С этого места видно было плохо, я заметила только, что парень в комбинезоне и мужчина яростно бросают в кузов грузовичка опавшие листья. Они быстро закончили свое дело и уехали.

Я стояла как громом пораженная. По всему выходило, что только что на моих глазах те двое прикончили женщину, да не просто какую-то постороннюю, а соседку. Правда, я ни разу с ней не разговаривала и даже не знала, как ее зовут, но все равно, дело же не в этом.

Гораций вдруг залился приветственным лаем, увидев вблизи какую-то постороннюю беспородную псину. Все-таки вкус у этого ротвейлера ужасный! Но, однако, надо уносить ноги. Во всех детективах пишут, что свидетелей никто не любит оставлять. Пообещав Горацию дома устроить ему хорошую трепку, стараясь не шуметь, я пробралась сквозь кусты на ту ал-

лею, откуда меня утащил наглый пес и устремилась к выходу из парка. Гораций даже не протестовал, видно понял, что я не шучу, и мрачно потрусил рядом.

У самого конца аллеи стоял красивый молодой блондин в сером плаще. Поравнявшись с ним, я опустила взгляд в землю и постаралась пройти мимо как можно незаметнее. Попробуйте повторить такой маневр в ярко-желтой куртке с надписью «Береговая охрана Лос-Анджелеса», и вы поймете всю тщетность такой попытки.

Блондин проводил меня скучающим взглядом и достал из кармана мобильный телефон. Я, все так же не поднимая глаз и стараясь слиться с окружающим пейзажем, прибавила шагу. До края парка оставалось уже несколько метров, когда я услышала сзади топот бегущего человека. Не тратя времени на раздумья, я тоже побежала. Гораций воспринял это как очередное доказательство моего очевидного помешательства, но смирился с неизбежным и побежал рядом. На выходе я увидела автобус, который отъезжал уже от остановки, закрывая двери. Совершив немыслимое, я влетела в него и втащила несчастного запыхавшегося Горация. Двери захлопнулись, автобус тронулся, и буквально через секунду на остановку выбежал блондин в плаще. Он расстроенно покрутил головой, а я на всякий случай отвернулась от окна.

Мы с Горацием проехали три остановки, а потом пересели на другой маршрут и подъехали к своему дому совершенно с другой стороны. Мне было страшно, я знала, что в Сосновку теперь – ни ногой, и бедному Горацию придется довольствоваться прогулками во дворе.

Войдя в подъезд, мы на несколько секунд задержались у почтовых ящиков. Мне писем никто не пишет, но Валентину Сергеевичу иногда приходит кое-что по старой памяти – открытки, уведомления, кроме того, он выписывал газеты, и срок еще не кончился. Так вот, пока я ковырялась, открывая замок, открылась дверь подъезда и вошла – кто бы вы думали? Та самая женщина, которую я видела в Сосновке и посчитала убитой. Собственно, лица-то я и сейчас не разглядела – оно было закрыто волосами, да и лестница наша довольно плохо освещена. Но пальто, то самое, голландское, с седоватым ворсом, и аккуратно уложенные рыжеватые волосы…

Очевидно, у меня было такое лицо, какое бывает у лордов в шотландских замках, когда они вместо любимой жены вдруг обнаруживают в собственной постели привидение двоюродной бабушки в чепчике и папильотках. Я поскорее отвернулась к стене, чтобы женщина не заметила моего перепуганного лица. Значит, вот как. Значит, пока мы в кустах боролись с Гора-

цием, дама спокойно встала и ушла. Те двое на мотороллере собирали себе листики – работа у них такая, а я навыдумывала черт те что, хорошо, что ни с кем не поделилась, вот была бы потеха.

И как могло мне прийти в голову такое безобразие – про убийство? Женщина сидела неестественно неподвижно, так, может, у нее привычка такая. Может, она медитацией занимается, для того и ходит одна в отдаленный район парка, чтобы никто не мешал.

Гораций уже стоял у лифта и посматривал на меня выжидающе: поехали, мол, скорее, я от тебя сегодня и так уже утомился.

Я поднялась к себе на четвертый этаж в растрепанных чувствах, полезла за ключами, а тут как раз на площадку с мусорным ведром вышла Раиса Кузьминична.

Наш дом, вернее, дом Валентина Сергеевича, в последнее время облюбовали богатые люди. Дом достаточно приличный, строился еще в такое время, когда люди умели работать и боялись жульничать. Планировка квартир – хорошая, потолки высокие, рядом – чудный парк. И хоть дом раньше считался «профессорским», то есть жила в нем преимущественно научная и творческая интеллигенция, но со временем выросли дети, кто-то разменялся, так что теперь многие обитатели дома легко согласились выехать в другие

квартиры. Приходили и ко мне по поводу обмена, но об этом после.

А Раисе Кузьминичне повезло. Сын у нее неожиданно разбогател и вместо того, чтобы выезжать из дома, где они прожили много лет, он купил еще квартиру рядом, сделал шикарный ремонт и окружил мать заботой и импортной бытовой техникой. Однако коечего Раиса Кузьминична все же лишилась – общения с соседями. Народ теперь живет скрытный, понаставили дверей да замков, в гости на чашку чаю ни к кому не придешь.

Но Раиса не унывает, она ходит сидеть на лавочке к соседним домам попроще, а дома устроила наблюдательный пункт у окна. Таким образом она все обо всех всегда знает и, что характерно, охотно своими знаниями делится. И как-то само собой у меня с языка сорвался вопрос, кто же такая эта женщина в шикарном сером пальто, да одна ли живет, и почему никто не видит ее лица?

– Вот, в самую точку попала! – зашептала Раиса Кузьминична. – Живет одна, очень уединенно, ни с кем не общается. Да ведь она совсем недавно сюда въехала, уже после того, как Валентин Сергеевич преставился. – Раиса перекрестилась. – А ни с кем не дружит, потому что лицо изуродовано сильно, в аварию она попала, все лицо изрезано было стеклами.

– Да что вы говорите? – воскликнула я.

– Все точно, она специально и квартиру купила здесь, чтобы в незнакомом доме поселиться, чтобы никто не знал.

– И гуляет одна в парке…

– Вот именно! – обрадовалась Раиса.

– А что ж, никого у нее нет из близких?

– Вот про родных не знаю, – неохотно призналась Раиса, – врать не буду…

– Н-да, и сильно изуродовано лицо-то?

Такая женщина элегантная…

– Уж не знаю, а видно здорово, раз ни с кем не общается.

– Раиса Кузьминична, а откуда вы все это знаете? – не удержалась и полюбопытствовала я, но тут же поняла, что допустила вопиющую бестактность.

В самом деле, ведь не придет же мне в голову спрашивать фокусника, где он прячет голубей и кроликов, когда показывает зрителям пустую шляпу? И пока Раиса оскорбление поджимала губы, я протащила Горация в свою квартиру.

* * *

Все говорят, что выгляжу я на тридцать пять, но я-то знаю, что мне скоро сорок.

И еще много людей про это знают. Но в этом доме, доме Валентина Сергеевича, я живу недавно, поэтому смело могу надеяться, что соседи считают меня моложе, чем я есть.

Валентин Сергеевич Запольский был мужем моей матери. Я не могу назвать его отчимом, потому что женился он на маме, когда я уже была замужем за Артемом, так что вместе мы никогда не жили. Отца я помню плохо, мы жили с мамой вдвоем, пока мне не исполнилось семнадцать. И мать не решила, что настало ей время заняться своей личной жизнью. В доме замелькали поклонники, потому что мама была женщиной привлекательной даже в возрасте, как мне тогда казалось, а ведь ей было всего сорок, как мне сейчас…

Я была занята учебой и своими ухажерами, а мамулины поклонники понемногу отхлынули, осталось двое. Один – Игорь, кинорежиссер, творческая личность… Невероятно талантлив, – шептала мама, – и потрясающе хорош. Не скрою, было в нем что-то такое – мужественный профиль, открытая обезоруживающая улыбка, но я никак не могла отделаться от мысли, что все свои благородные позы он репетирует по утрам перед зеркалом, а все экспромты придумывает заранее. Я точно уверилась в своей правоте, когда как-то во время ужина пролила Игорю на брю-

ки горячий чай. Он вскрикнул, сумел сдержать готовое вырваться неприличное слово, но во взгляде не осталось ничего благородного, и улыбка напоминала волчий оскал.

– Глупости, – возмущалась мать, когда вечером я поведала ей результаты своих наблюдений, – что же ему надо было плясать от радости, что ты его обожгла?

Дело было не в горячем чае, просто от неожиданности Игорь забыл про лицо, и сразу же проступило его хамское нутро.

– Ерунда! – сердилась мать. – Ты просто ревнуешь и не хочешь, чтобы рядом со мной был приличный человек.

Я возразила, что как раз этого-то я и хочу и поэтому настоятельно рекомендую ей приглядеться ко второму кандидату, которым и был Валентин Сергеевич. Человек он был очень приличный, воспитанный, образованный – профессор, между прочим, в Технологическом институте, но, как считала мама, обладал очень большим недостатком – был старше ее на десять лет.

«Ты хочешь, чтобы я похоронила себя со стариком!» – кричала мать "Тогда скажи ему об этом прямо, – ехидно возражала я. – Зачем ты его мучаешь?

Бережешь на черный день?"

Но она, что называется, как с цепи сорвалась. Мама никогда не была легкомысленной, просто, как я сейчас понимаю, ей нравилось такое состояние, когда ухаживают, говорят комплименты, ей хотелось оттянуть окончательный выбор. И чтобы присутствие Валентина Сергеевича в нашем доме обрело какой-то смысл, она предложила ему позаниматься со мной химией.

Я в то время заканчивала последний класс и собиралась поступать в университет на филологический факультет. Почему-то если ребенок не успевает по физике и математике, принято называть его истинным гуманитарием. В нашей школе физичка Кира Борисовна с грустью пожимала плечами, утверждая, что полкласса, входя к ней в кабинет, оставляют мозги в коридоре, а математик, как представитель более точной науки, не уставал добавлять ехидно, что некоторым и оставлять-то нечего. Скажу не хвастаясь, что на меня их ехидство никогда не распространялось, но вот химия… Химия – это был кошмар моей школьной жизни.

Началось все с седьмого класса, когда мы проходили окислительно-восстановительные реакции. Во время опыта я честно слила вместе кислоту и щелочь и, рассчитывая, что в чашке должен получиться раствор поваренной соли, как было написано в формуле,

рискнула попробовать его на язык. Язык обожгло кислотой, а когда я, возмущенно отплевываясь, вскочила и опрокинула на себя чашку, колготки покрылись множеством дырок. Вот и верь после этого формулам! И я возненавидела химию.

Дальше пошло еще хуже – органическая химия наводила на меня ужас. Особенно возмущало бензольное кольцо. Почему у всех формулы нормальные, а у бензола – кольцо? – вопрошала я Валентина Сергеевича.

Он улыбнулся и рассказал, как немецкий химик Кекуле увидел в зоопарке трех обезьян, сцепившихся лапами и придумал формулу бензольного кольца. Обезьяны мне понравились, обезьяны – это что-то конкретное.

После того, как Валентин Сергеевич примирил меня с бензолом, дело пошло на лад. Он проводил со мной гораздо больше времени чем с мамой и сумел-таки заставить меня если не полюбить химию, то хотя бы сдать ее на четверку.

Но с мамой у него не клеилось. Он все больше грустнел, думая, что как только я сдам выпускные экзамены, он станет не нужен, и мама даст ему от ворот поворот. Мне было безумно его жалко, и, чтобы подбодрить, я как-то высказалась, что всегда была на его стороне и химия здесь абсолютно ни при чем.

Прошло несколько месяцев, я уже была в университете, у меня появились новые друзья и Артем. Валентин Сергеевич куда-то исчез, вероятно решил не навязываться, казалось бы, теперь ничего не должно мешать маминому счастью с ее ненаглядным Игорем.

Но она все медлила с окончательным решением, пока я не пригрозила, что выйду замуж раньше нее, у нас с Артемом дело к тому шло.

Мамуля посмотрела на себя в зеркало, нашла несколько седых волосков, осознала наконец, что молодость не бесконечна и надо как-то определяться; после этого она мигом выбросила из головы своего псевдоромантического Игоря и призналась мне, что Валентин Сергеевич перед окончательным их расставанием все же пытался поговорить с ней о любви, но она свела все на шутку. И теперь он обиделся, и она боится, что он никогда больше не придет.

Когда я говорила с Валентином Сергеевичем по телефону, он спросил, как я себя чувствую, потому что от сдерживаемого смеха у меня началась икота.

– Приходите к нам, Валентин Сергеевич, завтра обязательно. Мама очень просит.

– Это правда? – спросил он дрогнувшим голосом.

– Правда, правда! – Они мне ужасно надоели: взрослые люди, а ведут себя как в детском саду.

В общем, они поженились. Жили они…

Мать как-то призналась мне, что она не понимает, за что ее выбрал Бог, что редко какой женщине выпадает такое счастье. Валентин Сергеевич относился к ней прекрасно, и часть любви перенес на меня, потому что упорно считал, что это я их свела.

Они жили вот в этой трехкомнатной квартире напротив Сосновского парка. Валентин Сергеевич много работал, стал директором Института биохимии. Но после того, как ему исполнилось семьдесят лет, он решил, что института ему многовато, и по настоянию мамы взял себе кафедру. Из-за этого случился курьез, потому что раньше по статусу ему была положена служебная машина с шофером, а потом, когда он перестал быть директором института, машину отобрали.

«И как тебе это понравится? – возмущалась мама. – Он купил новые Жигули» и учится водить! Это в семьдесят-то лет!"

Я ответила, что ни минуты не сомневаюсь в том, что через месяц он будет катать ее на машине. Так оно и вышло.

Мама умерла ночью во сне – обширный инфаркт. Она не страдала. Зато Валентин Сергеевич… Но держался он здорово.

После похорон я уехала в командировку. Вернулась через месяц. Валентин Сергеевич очень постарел, но

ни на что не жаловался. Незаметно подошли поминальные сорок дней. Когда мы мыли посуду после ухода родственников и знакомых, Валентин Сергеевич в обычной для него суховатой манере сказал, что я могу забрать мамины вещи, и что все, что у него есть – эту квартиру, машину, дачу в Вырице и вклад в Сбербанке – он завещал мне. От неожиданности я чуть не выронила тарелку. Потом опомнилась и растерянно сказала, что мне вообще-то ничего не надо. На что он твердо возразил, что у него никого нет, с моей матерью он был счастлив двадцать лет благодаря мне. И что сейчас его завещание меня ни к чему не обязывает, и только потом, когда его не станет, он ждет от меня одной услуги – взять на себя заботы о Горации. Видя, что я с испугом покосилась на огромного ротвейлера, который грыз на полу кухни кость, оставшуюся от бараньей ноги, Валентин Сергеевич усмехнулся и сказал, что Горацию пять лет, ротвейлеры живут восемь, максимум девять, и он надеется, что столько-то протянет, чтобы никого ничем не обременять.

Что-то со мной случилось тогда, я очнулась в комнате на диване, а замечательный старик еще поил меня чаем и утешал.

Я позванивала ему изредка, он радовался моим звонкам, говорил, что много работает и гуляет с Горацием. Разумеется, он страшно тосковал. Надо бы-

ло навещать его почаще, но у меня тогда был полный цейтнот. На работе неприятности, и еще мы разводились с Олегом. То есть сначала мы собирались, потом долго обсуждали моральный аспект, потом материальный, в общем, забот хватало.

И однажды мне позвонили из института и сказали, что Валентин Сергеевич попал в автомобильную аварию и лежит в тяжелом состоянии в Академической больнице на проспекте Мориса Тореза.

Когда я его увидела, то в первый момент даже испытала облегчение, потому что никаких особенных повреждений у него я не заметила. Руки-ноги были целы, и даже капельница не стояла у кровати. А голова хоть и была забинтована, но не сильно. Он открыл глаза, но не узнал меня, посмотрел равнодушно. Привезли после аварии, сказала медсестра, вроде бы столкнулся с «мерседесом». Все-таки в таком возрасте водить машину рискованно, реакция не та…

Я поболталась немного возле палаты и ушла, потому что моего присутствия пока в больнице не требовалось. Звоните, сказал доктор, узнавайте. Я звонила и добилась разрешения его навещать, потому что Валентин Сергеевич пришел в себя. Но в голосе его лечащего врача я не услышала особой радости. Они огорошили меня еще в приемной: старик потерял память. Он сидел на кровати, смотрел жалобно и пы-

тался сам есть кашу трясущейся рукой. Участливый доктор накапал мне валерианки и разрешил посидеть немного в ординаторской. Он сказал, что функции у больного восстановятся, но память, возможно, не вернется никогда.

– Вряд ли вы сможете за ним ухаживать, – предупредил он, – такое под силу только очень близким людям.

– Идите к черту, – разозлилась я. – Как только будет можно, я заберу его домой – Ну что ж, – согласился он, – возможно, дома ему станет лучше.

С работы я уволилась. Просто высказала этим наглым молодым девкам все, что я о них думаю. И начальству тоже досталось.

Почему-то в последнее время главным достоинством сотрудника, в особенности женщины, считается ее возраст. Чем моложе, тем лучше. Скоро несовершеннолетних начнут на работу брать. Ошибки, которые они допускают в работе, объяснят их неопытностью, а если такие же ошибки допускает женщина постарше, считается, что она уже в старческом маразме. Где логика, я вас спрашиваю?

В общем, уволилась я, ни капельки не жалея. Что я, переводов не достану, что ли?

Как-никак два языка В крайнем случае, уроков наберу.

С разводом тоже вопрос решился быстро. Как только Олег, узнав о моем увольнении, начал упрекать меня, что я несдержанная, что хорошая работа на дороге не валяется и так далее, я собрала вещи и сказала, что переезжаю к Валентину Сергеевичу, потому что хоть он и в больнице, но в квартире остался Гораций. Он тоскует о хозяине и вообще не любит быть один. Стало быть, материальный, то бишь квартирный вопрос отпадает, и препятствий к разводу быть не может. Олег согласился со вздохом.

Валентина Сергеевича выписали после небольшого улучшения. Он встал с постели. мог одеваться, есть и еще делать разные вещи, но, по-моему, до самого конца жизни так и не понял, кто я такая и что делаю в его квартире. А вот Горация он несомненно узнал. И все оглядывался растерянно и бродил по трем комнатам, как будто они пустые.

Когда до меня дошло, что он ищет маму, то слезы хлынули из глаз ручьем, а я никогда не плачу, это знают все мои знакомые. Я пыталась объяснить Валентину Сергеевичу, что же случилось, но он не понимал. А потом привык, что в квартире с ним только я и ротвейлер. Понемногу старик окреп и даже выходил на балкон с Горацием. Но в основном сидел в кресле, бездумно уставившись перед собой невидящими глазами, а Гораций лежал рядом и дремал. Так мы прожи-

ли четыре месяца, и, скажу честно, старик не доставлял мне особых хлопот. Навещал его только один человек, старый приятель, тоже профессор, Юрий Ермолаевич.

– Пропала голова, – бормотал он, – вы себе не представляете, какая у него была голова, ах ты, Господи!

По поводу аварии звонила мне следователь с грозной такой фамилией, Громобоева, что ли. Интересовалась, не пришел ли потерпевший в себя. Я ответила, что у потерпевшего плохо с памятью, то есть он не только ничего не помнит, но и не говорит. А когда я, в свою очередь поинтересовалась, почему аварией занимаются следственные органы, ведь в ГАИ считают, что виноват Валентин Сергеевич, он не справился с управлением на перекрестке, следователь хмыкнула и пробормотала, что ГАИ, возможно, ошибается, потому что машина, столкнувшаяся с «Жигулями» потерпевшего, оказалась угнанной, водитель с места происшествия скрылся, но хозяин машины представил правдивые доказательства, что ее у него угнали за сутки до этого. Машину нашли через два дня брошенной на стоянке, следов никаких не осталось.

Откровенно говоря, расспрашивала даму-следователя я просто так, для разговора. Мне не было дела до того, как случилась авария, ведь Валентину Сер-

геевичу это никак не помогло бы.

По прошествии четырех месяцев Валентин Сергеевич умер от кровоизлияния в мозг.

«Последствия аварии», – сказали врачи.

Олег очень помогал мне с похоронами.

И хотя за это время он успел не то чтобы жениться, но кого-то себе завести, все равно считал своим долгом меня опекать.

После похорон начались неприятности с Горацием. Не понимаю каким образом, но, когда Валентин Сергеевич лежал в больнице, пес знал, что хозяин вернется, и воспринимал мое присутствие снисходительно. Но после смерти Валентина Сергеевича, хоть я и врала Горацию безбожно, что хозяин жив, только подлечится и вернется, ротвейлер все понял и возненавидел меня ужасно.

«Его нет, а ты здесь, – говорил его взгляд. – Лучше бы тебя не было».

Нервы мои после всего пережитого были не в порядке, я не смогла найти правильную манеру поведения с собакой. Мы ссорились, и однажды Гораций меня покусал. Здорово, до крови.

Олег вышел из себя и сказал, что эта последняя капля.

– Так больше продолжаться не может! – кричал он, забинтовывая мне руку. – Это опасно, наконец.

– И что ты предлагаешь? – устало спросила я.

– Его надо усыпить!

– Да? Вот так просто взять и усыпить абсолютно здоровую собаку! Только потому, что он мне мешает. И как ты это себе представляешь? Я сейчас возьму Горация и повезу его в клинику? Или, возможно, это сделаешь ты?

– Я не могу, – угрюмо произнес Олег, – мне жалко. И вообще, можно вызвать сюда.

Есть такая служба, приедут и заберут.

– Угу. И кто будет звонить? И кто заведет его в фургон? Ты не можешь, а я, значит, могу? А ты подумал, каково мне потом будет жить в этой квартире, если единственную просьбу Валентина Сергеевича я не выполню? Значит, квартиру и дачу я беру, а собаку – на помойку?

– Но ведь он загрызет тебя до смерти!

– Да ладно тебе, не пугай.

Когда Олег ушел, я нашла Горация возле пустого кресла его хозяина. Он смотрел виновато.

– Ага, значит, совесть заела? Это кто сделал? – Я показала забинтованную руку.

Гораций тяжело вздохнул и отвернулся.

Когда я немного разобралась с делами, то отправилась в Сбербанк и с изумлением узнала, что у Валентина Сергеевича оказывается лежит там куча денег.

То есть это по моим масштабам. Разумеется, на эти деньги нельзя было бы прожигать жизнь где-нибудь на Гавайях, но их вполне хватит, чтобы не работать целый год, да еще и на черный день останется. Года мне много, а вот несколько месяцев спокойной жизни очень даже нужны. Потому что вместо того, чтобы портить глаза за компьютером, переводя малограмотные детективы и рекламу косметики или вдалбливать в тупые школьные головы не правильные глаголы, я смогу заняться по-настоящему интересным делом. Имея столько свободного времени, я наконец закончу перевод своего любимого Бельмона.

Аристид де Бельмон, «Утраченная добродетель».

Самый потрясающий любовный роман, который мне довелось читать в своей жизни.

И хоть автор его жил в семнадцатом веке, куда до него всяким современным дамам!

К тому же еще красочное описание характеров, увлекательная интрига, богатый и образный язык! Я просто обязана донести все это до российского читателя.

В свое время в одном крупном издательстве мою идею перевести роман одобрили, но предварительный договор заключать отказались и аванса, разумеется, не дали. Но сказали, что роман обязательно возьмут при условии, что будет хороший перевод.

Раньше у меня не было времени, а уж теперь-то я позабочусь, чтобы перевод был отличный.

Решено, отменяю все уроки, не беру больше мелких переводов, буду работать над Бельмоном и гулять с Горацием, заодно и отношения наладим.

* * *

Оказалось, однако, что судьба решила подкорректировать мои планы, потому что работа над Бельмоном продвигалась медленнее, чем мне бы хотелось. Во-первых, Гораций требовал ежедневно не менее двух сорокаминутных прогулок и полноценного собачьего питания, во-вторых, меня одолели мужья, а в-третьих, ко мне повадилась Луиза Семеновна, а это бедствие было похлеще мужей.

Мужей у меня трое: Артем, Олег и Евгений. Нет, если в хронологическом порядке, то Артем, Евгений и Олег. И хоть внешне, да и по характеру они все очень разные, но есть у них одно общее качество: они все начинают хорошо ко мне относиться только после развода. Они так обо мне заботятся, что язык не поворачивается назвать их бывшими. Такое вот бразильское кино «Донна Флор и три ее мужа». Донна Флор – это я.

За Артема я выскочила на первом курсе универси-

тета, потому что мать, как я уже говорила, была занята своей личной жизнью и не смогла меня вовремя отговорить. Да она бы и не сумела, потому что я втрескалась в Артема, как ненормальная кошка. Откровенно говоря, было во что. Сероглазый блондин под метр девяносто, и от всей его личности исходила такая наглая сила, что устоять было невозможно. С очаровательной и непринужденной грубостью он привык брать все, что ему в данный момент хотелось, даже не брать, а просто протягивать руку, и ему это вкладывали. Но делал он все невероятно обаятельно. Поэтому девчонки, да и женщины постарше бегали за ним пачками. Он выбрал меня из-за жилплощади. Он так прямо и говорил, а я думала, что он шутит. После свадьбы оказалось, что он просто отложил других дам на время, достаточно короткое.

Из-за него я перессорилась со всеми подругами, и до сих пор их у меня нет. Тем не менее мы прожили пять лет и расстались, когда у меня окончательно лопнуло терпение.

После меня у Артема было две жены, они выдержали еще меньше. И наконец он женился на толстой добродушной художнице старше его на семь лет. Ей наплевать на его романы, причем не напоказ, а на самом деле она относится к его девицам совершенно спокойно. И странное дело, как только Артем понял,

что она не притворяется, у него, что называется, пропал кураж и он почти угомонился. Девицы же, введенные в заблуждение приветливым голосом Артемовой жены по телефону, принимают ее за его мамашу, и сразу же дают задний ход, потому что считают, что Артем живет по принципу «жен много, а мама одна», и связываться никто не хочет.

Забыла сказать, что жену Артема зовут Неонила, и она действительно хорошая баба.

Меня Артем никогда не забывал, частенько навещал, особенно когда я была, как он выражался «на безмужье». В последнее время его визиты меня несколько раздражали, но это было ничто по сравнению с посещениями Луизы Семеновны.

Она объявилась недели через три после похорон Валентина Сергеевича. Сначала она надоедала мне по телефону. Бесконечно извиняясь и выражая сочувствие по поводу потери близкого человека, она представилась давней его ученицей, последовательницей и соратницей.

«Вы не представляете, какой это был выдающийся человек!» – причитала она бесконечно, так что я наконец не выдержала и холодно сказала, что очень хорошо себе представляю, каким человеком был Валентин Сергеевич, а что ей, Луизе, собственно от меня угодно? Она тут же откашлялась и перешла на де-

ловой тон.

Покойный Валентин Сергеевич много работал дома. И хранил дома свои статьи и разработки. Кроме этого, он хранил дома материалы своих учеников и соратников, которые они давали ему на отзыв и вообще почитать.

А она, Луиза, тоже когда-то работала с Валентином Сергеевичем и даже вместе они собирались опубликовать одну работу, тут она выдала какое-то длинное химическое название, от которого у меня сразу заболели зубы.

Но в последний момент не опубликовали.

Это было лет восемь назад. И теперь Луизе вдруг срочно понадобилась эта работа, потому что она пишет монографию, а свой экземпляр статьи у Луизы пропал после переезда на другую квартиру. Так уж получилось, не зря говорят – переезд хуже пожара.

Всю информацию Луиза выдавала мне по частям, потому что слушать ее телефонные причитания более десяти минут я была не в состоянии. Примерно на пятом звонке Луиза дошла до сути: не могла бы я допустить ее, Луизу, к бумагам Валентина Сергеевича, потому что архив его обязательно надо разобрать, а она могла бы помочь, потому что я – человек в данной области не компетентный…

– Откуда вы знаете? – неприятно удивилась я.

Луиза мне не понравилась уже по телефону, так что я решила с ней не церемониться.

– Мы с Валентином Сергеевичем очень тесно общались, – щебетала Луиза, – он очень много рассказывал мне о вас и о вашей матушке…

Как-то не очень соответствовало моим представлениям о Валентине Сергеевиче, что он трепался о своей личной жизни посторонним бабам, хотя бы и соратницам по работе.

Я хотела было ядовито добавить, что если Луиза с Валентином Сергеевичем были так тесно дружны, то почему же за четыре месяца, что он болел, она ни разу не навестила старика, но воздержалась открыто хамить незнакомому человеку по телефону. Луиза продолжала звонить, в первое время я отговаривалась тем, что не стану трогать вещи Валентина Сергеевича, пока не прошло сорок дней, но на сорок первый день она явилась ко мне домой абсолютно без приглашения.

Простить себе не могу, что пустила ее на порог, очевидно, на меня нашло тогда умственное затмение.

– Здравствуйте! – пропела худенькая такая тетя в скромненьком сереньком костюмчике, пестренько-рябеньком. Волосики у нее тоже были серо-пегие, завитые в крупные локоны и заколотые как у Шурочки Азаровой в моей любимой героической комедии «Гусар-

ская баллада», разумеется, когда Шурочка по фильму считалась девицей.

И на этих локонах кокетливо сидела малюсенькая шляпка с вуалью, а сверху на шляпке были розочки, незабудки и даже, кажется, кисть винограда. Луиза переступили кривыми, как у французского бульдожки, ногами, и просочилась в прихожую. Немного обалдев от такого чучела, я отступила, надеясь на Горация, но не тут-то было. Просто удивительно, как в таком хилом на вид теле (я имею в виду Луизу) помещалось столько энергии, ибо Горация Луиза нейтрализовала сразу же.

– Собачка! – заверещала она противным голосом и бросилась чесать ротвейлера за ушами.

Гораций терпеть не может, когда ему тискают уши, поэтому он попятился, скользя лапами по паркету и быстро ретировался.

Называется, сторож и защитник!

А дальше начался форменный кошмар.

Луиза рванула в кабинет Валентина Сергеевича, мигом раскрыла ящики письменного стола, так что мне пришлось схватить ее за руки и осторожно отвести к двери.

– Послушайте! – чуть не взмолилась я. – Нельзя же так бесцеремонно!

– Ой, простите, – сконфузилась Луиза, – в свое вре-

мя я столько часов провела в этом кабинете, что сейчас забылась.

Ее поведение мне очень не понравилось.

Маловероятно, чтобы моя мать могла терпеть в доме этакую беспардонную тетку.

– Знаете что, – решительно сказала я, – вы скажите, что конкретно вам нужно, я сама найду эту папку, а вы потом зайдете и за-; берете.

– Но мне нужно срочно! – заверещала Луиза. – А вы по незнанию предмета будете искать очень долго…

– Ничего страшного, подождет ваша монография, – разозлилась я, – а рыться в бумагах Валентина Сергеевича я вам не позволю.

Если меня разозлить, я могу держаться твердо.

– И в следующий раз попрошу вас без предварительного звонка не являться! – присовокупила я на прощание.

Луиза выглядела полностью уничтоженной, трясущимися губами она прошелестела, что никак не ожидала от меня такой реакции, думала, что мы с ней сойдемся запросто… В глубине души мне стало стыдно. Уже на пороге входной двери Луиза выдавила из себя, что статью они с Валентином Сергеевичем собирались писать в 82-м году. А говорила, что всего восемь лет назад, да тут все восемнадцать прошло!

И вот я, страшно злясь на себя и на Луизу, начала

разбирать бумаги Валентина Сергеевича. Надо сказать, все у него было в полном порядке, все рукописи и гранки статей лежали в папках по годам. Однако в папке за 1982 год не было статьи, где соавтором была бы Плойкина Л. С. Когда же я не без злорадства сообщила об этом Луизе по телефону, она ни капельки не расстроилась, а весело проорала, что к статье этой они в Валентином Сергеевичем возвращались уже в 90-м году, а может, и 91-м, так что, может быть, и там посмотреть. Не буду ли я все-таки так любезна разрешить ей прийти в любое удобное для меня время. Пришлось разрешить, но я приняла меры. Все ящики стола были заперты, а ключи я убрала. Луиза нехотя поковырялась в папках, ничего там не нашла и все настаивала на какой-то особой желтой папочке с застежками. Почему ее статья должна находиться в особой папке, Луиза объяснить не могла. Она меня еще неделю доставала телефонными звонками, после чего я озверела и нашла на самой нижней полке книжного шкафа действительно стопку листов, и на одном из них мелькнула фамилия Плойкина По-моему, статейка была так себе, хоть я и ничего не понимаю в химии. Всего три страницы машинописного текста. Неужели это поможет продвинуть монографию?

Очень не нравилась мне Луиза, ее манера цепко обегать взглядом кабинет, и то, что во время ее ви-

зитов бесконечно звонил телефон и требовали то Сидорова, то химчистку, а то и просто молчали. Но я предусмотрительно брала трубку прямо в кабинете, не оставляя Луизу одну ни на минуту. Я звонила Юрию Ермолаичу с целью выяснить, что за штучка эта Луиза, но оказалось, что он уехал в Штаты на полгода читать лекции в Калифорнийском университете.

* * *

В то же утро после происшествия в Сосновке я с радостью сообщила Луизе, что она может забрать свою статью. Луиза выразила желание прийти немедленно, еле-еле я уговорила ее подождать до вечера, мне хотелось все же немного потрудиться над Бельмоном, потому что приход Луизы уж точно выведет меня из себя, и работать потом станет невозможно. Луиза достала меня окончательно, вот уже в тихом Сосновском парке мерещатся мне страшные убийства немолодых элегантных женщин.

Работа над Бельмоном так меня захватила, что я совершенно не заметила, как прошел день. Заболели глаза, и я услыхала обиженные подвывания Горация. Когда пес его размеров и комплекции не лает, не рычит, а тонко подвывает, это странно, но я знала – так Гораций сообщает, что ему срочно и уже давно нужно

прогуляться. Я взглянула на часы и ахнула Гораций имел полное право на меня обижаться.

– Прости меня, Гораций! – искренне расстроилась я.

«Что с тебя взять, с растяпы», – говорил его взгляд.

Хоть и выяснилось, что все, случившееся в Сосновке утром, мне показалось, желтую полицейскую куртку я почему-то не решилась надеть, а накинула мамин старый плащик, который она использовала, очевидно, с той же целью – для собачьих прогулок. Гораций так торопился, что даже обрадовался, что я не потащила его в Сосновку. Мы быстренько пробежались по пустырю возле дома и отправились домой. Возле лифта стоял мужчина – вроде бы я его уже видела на нашей лестнице пару раз, – очень аккуратный, весь отглаженный-отутюженный, коротко подстриженные светлые волосы с чуть заметной сединой, а лицо такое.., как бы обесцвеченное: очень светлые брови, очень светлые глаза.

Мой дуралей Гораций вообще-то не слишком игрив – все-таки возраст солидный, да и комплекция не та, и вообще ротвейлеры по природе своей скорее флегматики, но тут он то ли не догулял, то ли еще что ему привиделось, но только он вдруг с радостным лаем подбежал к этому белобрысому и встал грязными лапами на его девственно чистый светлый плащ. Снача-

ла я онемела от неожиданности, потом потянула Горация за поводок, но пес стоял насмерть.

– Да оттащите же его! – прошипел белобрысый.

Не могу сказать, что он испугался, держался он спокойно, многие бы на его месте перетрусили: здоровенный ротвейлер, прыгающий лапами на грудь – это не для слабонервных. Пока я возилась, Гораций успел пару раз переступить лапами по плащу, и теперь белобрысый был вымазан основательно.

– Да что же это такое! – закричал он и оттолкнул Горация.

– Простите нас, Гораций вообще-то очень воспитанный, – каялась я, но голос мой звучал неуверенно.

– Я вижу, – с сарказмом отозвался белобрысый.

– Может, я смогу что-нибудь сделать с плащом? – неуверенно проговорила я.

– С плащом сможет что-нибудь сделать американская чистка, – наставительно произнес белобрысый.

Я хотела сказать, что оплачу ему чистку.

Потом посмотрела на плащ, и шикарные итальянские ботинки, они были абсолютно чистыми, хотя на улице грязновато после вчерашнего дождя. Стало быть, приехал на машине и оставляет ее на стоянке за домом.

Ну и черт с ним, не обеднеет, если лишний раз в чистку отдаст!

– Гораций, домой! – Я потянула пса по лестнице.

Пусть это белобрысый один едет на лифте, а мы, назло всем, пойдем пешком.

Не успели мы переодеться, то есть это я переоделась, а Гораций всего лишь снял ошейник и наморд-ник, как раздался звонок.

Я чертыхнулась и глянула в глазок, и там увидела своего третьего мужа Олега. Сегодня, пожалуй, я не против была пообщаться с ним.

Я открыла дверь, и Олег сразу же попал в объятия Горация. Они обожают друг друга. Почему это делает Олег – понятно, он мучается угрызениями совести за то, что в свое время требовал Горация усыпить, поэтому очень к нему привязался, а вот почему Гораций так трепетно к нему относится – я в толк не возьму. Очевидно, у них духовная близость.

Сначала Олег осмотрел собаку, потом взглянул на меня и произнес прокурорским тоном:

– У вас с Горацием некормленый вид.

В квартире не пахнет обедом. Вам надо нормально питаться.

– Ты пришел, чтобы читать мне нотации?

Насколько я знаю, у тебя теперь есть собственная жена, вот ее и воспитывай, – по привычке к пререканиям ответила я, но сегодня это звучало как-то не всерьез, а так, по-обыденному.

– Жена тут ни при чем, – спокойно ответил Олег, – я не могу оставить тебя без присмотра, я несу за тебя ответственность.

С этими словами он прошагал на кухню и начал ревизию припасов.

– Собака должна правильно питаться, – дудел он, – это же ротвейлер, ему мясо нужно.

– Ну, уж Горация-то я голодом не морю! – возмутилась я. – Пусть только попробует он тебе наврать.

– Важно не только кормить собаку, важно, как ты ее кормишь, – закончил Олег, вынимая из морозилки что-то трудно опознаваемое. Он любит оставлять за собой последнее слово. – Ладно, ты можешь пока заниматься своими делами, мы тут сами разберемся, позовем тебя, когда все будет готово.

– Что будет готово? – Я почувствовала, что хочу есть.

– Сегодня жаркое по-мексикански! Вот я принес все ингредиенты – лук, перец зеленый и красный, помидоры, а мясо у тебя есть.

– Послушай. Я не против жаркого по-мексикански, но неужели у тебя нет других дел, кроме как таскаться ко мне и проводить время на кухне? – не удержалась я. – Ведь мы вроде бы развелись…

– У тебя портится характер, – спокойно сказал он, не желая обидеть, а просто отметил очевидный факт.

– Да таю я, характер у меня и так всегда был скверный. Естественно, когда женщина разводится с первым мужем, говорят – бывает, когда со вторым – ужасное невезение, а вот когда уж с третьим – тогда говорят, что мужчины тут ни при чем, это у нее самой что-то не то. Так что я уж как-нибудь проживу одна со своим скверным характером, не нужно меня опекать. Конечно, если ты беспокоишься о собаке…

– Иди уж, не мешай готовить!

Я потащилась в комнату, обиженно бурча себе под нос. Когда я проходила по коридору, в дверь снова позвонили. Видимо, по рассеянности после разговора с Олегом, я открыла, даже не глянув в глазок. В квартиру тут же ввалились двое красномордых мужиков и еще более красномордая тетка за пятьдесят.

Не так давно, уже после смерти Валентина Сергеевича, эта компания уже приходила ко мне по поводу обмена. Но тогда я была начеку и разговаривала с ними через дверь.

Собственно, и разговора-то никакого не было, я просто послала их подальше.

– Ну что, девонька, надумала меняться? – без всякого вступления завела тетка старую песню.

– Не собираюсь я ни с кем меняться! – Я пыталась вытеснить их на лестницу, но силы наши были неравны. Они постепенно вдвигались в квартиру, наг-

ло осматриваясь и не обращая внимания на мое сопротивление.

– Ты это, не больно-то фордыбачься! – угрожающе пробасил коренастый мужичок. – У нас, фиалка-магнолия, все схвачено! Лучше по-хорошему договоримся, а то, сама понимаешь, что будет!

– Не понимаю и понимать не собираюсь! И вообще, вон из моей квартиры! – Я попыталась сказать это громко и решительно, но получился только жалкий писк.

Второй мужик – рыхлый, толстый, но такой же красномордый – заглянул было в кабинет, но обернувшись на мой жалкий окрик, умиротворенным голосом произнес:

– Тише, тише, хозяюшка, горлышко-то не надсади! Ты вообще, я замечаю, здоровье не бережешь. С нами ссориться-то не надо, а то, неровен час, заболеешь! Были и такие, что с нами ссорились – так где они сейчас?

По больницам-госпиталям здоровье поправляют, если есть чего поправлять!

– Во-во! – поддержал его коренастый. – А у тебя, фиалка-магнолия, здоровьишко-то хлипкое, тебя пальцем ткни – ты и переломишься, так что лучше складывай-ка чемоданчики да готовься к переезду!

– Это кто здесь так разошелся? – послышался в ко-

ридоре негромкий, но решительный голос Олега. – Кому там дверь входную не найти?

– А ты кто такой умный? – повернулась на голос красномордая тетка.

– Я! – ответил Олег.

Он стоял в проеме кухонной двери с достаточно решительным видом, а рядом находился Гораций и рычал негромко, но мощно, как двигатель гоночного автомобиля.

– Это еще кто у тебя тут? – поинтересовался коренастый, но без прежней агрессивности в голосе.

– Муж, – коротко, но злорадно ответила я.

– Какой муж, фиалка-магнолия? Нету у тебя никакого мужа!

– Справочки навели? – ядовито поинтересовался Олег. – Я вот тоже справочки навел. Так вот, Костя Орловский о вас и слыхом не слыхал, и очень заинтересовался, кто это у него тут самодеятельностью занимается. Ему вашу внешность в ярких красках описали, и он обещал разобраться…

При этих словах красномордых словно ветром сдуло. Я удивленно огляделась – от них не осталось и следа, и дверь сама собой закрылась. Не приснились ли они мне вообще? Но нет, вон мой бывший благоверный стоит, надувшись и сейчас опять будет воспитывать.

– Ты что же это делаешь? – похоже, он разозлился всерьез. – Знаешь ведь, в какое время живем, а пускаешь черт те кого! В глазок лень глянуть?

– Да я в твоем присутствии расслабилась! Обычно я такого себе не позволяю!

– Господи, какое легкомыслие! Я теперь тебя вообще боюсь одну оставить…

Очень мне не понравился его тон. Как будто я уж совсем выжила из ума. Но вместо того чтобы скандалить, я решила быть спокойной.

– Тебя жена не заждалась? – невинно поинтересовалась я. – Домой не пора тебе?

– Домой пора, – согласился Олег, – но насчет жены это еще неточно, возможно, я передумаю.

– Или она, – поддакнула я, – хотя ведь у тебя же чертова прорва достоинств…

– И не надейся от меня избавиться, – строго сказал Олег, – я чувствую за тебя ответственность.

– Перед обществом? – начала было я, но потом мне надоела наша перепалка и я спросила, чтобы переменить тему:

– А откуда ты знаешь Костю Орловского?

– Какого Костю? – Он искренне удивился.

– Ну ты же сам сказал только что этим, красномордым… Что Костя Орловский про них ничего не знает…

– А, это! – Олег рассмеялся. – Константин Орлов-

ский – художник начала прошлого века, и он действительно про этих краснорожих ничего не знал, и теперь уже, конечно, не узнает. Но это – чистая психология, действует на такую шантрапу безотказно. Видно же по ним, что мелкое жулье, ничего серьезного…

Все-таки у Олега масса достоинств, несмотря на то, что он ужасно любит меня воспитывать. Жаркое по-мексикански сделало бы честь шеф-повару ресторана «Метрополь». Возможно, поэтому я с Олегом и развелась – на фоне его бесчисленных достоинств у меня начал развиваться комплекс неполноценности…

Олег ушел, провожаемый потоком благодарностей, и не успела я запереть за ним дверь, как явилась Луиза. Сегодня она была непривычно тихая и как-то странно крутила головой, как будто не могла избавиться от навязчивого воспоминания. Я же, радуясь, что это последняя наша с Луизой встреча, была сегодня достаточно любезна.

– Вот ваша статья, – я протянула Луизе три листочка, сколотых скрепкой.

– Да-да, конечно, – рассеянно поблагодарила она. – Но если у меня еще возникнут вопросы, я вам позвоню.

Мы постояли немного, помолчали, я рассматривала ее исподтишка. Сегодня на Луизе были серые брючки и желтые тапочки.

А пиджачок тот же самый, от костюма, пестренький, и в этаком прикиде очень она напоминала курочку Рябу. Я уже не скрывала, что жду, когда она уйдет. А Луиза вдруг оживилась, затараторила:

– Мне было так приятно сюда приходить, в этот кабинет, где мы так плодотворно работали с Валентином Сергеичем… С этой квартирой у меня связаны самые лучшие воспоминания.., и так далее.

Я нарочно зевнула и демонстративно поглядела на часы.

– Ой, какой дождь сильный пошел! – воскликнула Луиза, поглядев в кухонное окно. – Ну, раз сильный, то скоро пройдет, а то я зонтик забыла.

– Наоборот, он затяжной, теперь до утра, – возразила я, надеясь, что наглость Луизы все же имеет пределы, и она не попросит оставить ее ночевать. Луиза же, обежав на прощание, как она говорила, всю квартиру, нашла в дальней комнате Горация и опять принялась тискать его уши. У меня возникло сильнейшее желание, чтобы Гораций наконец озверел и покусал ее как следует, но я тут же подавила эту мысль, потому что представила, что после Гераниевой трепки Луиза прикинется нетрудоспособной, станет меня шантажировать и вообще никогда не уберется из моей квартиры.

Гораций с трудом высвободился и ретировался под диван. Луиза, внимая моему суровому взгляду, побре-

ла в прихожую.

– Скажите, Лариса, – она посмотрела на меня осмысленным взглядом, – а вы никогда…

– Никогда! – заорала я, потеряв терпение. – Луиза Семеновна, мне надо работать!

С вашими поисками я угробила кучу времени… И теперь, получив требуемое, вы не уходите, а продолжаете рыскать по квартире. Что вам еще…

– Ох, простите, – Луиза не дала мне договорить, опять засуетилась и начала тараторить:

– Ну как же я в такой дождик, у вас не найдется плащика какого-нибудь старенького, в дождь все равно не видно… Вы с собачкой в чем гуляете? Ах, это, – и не успела я и слова вымолвить, как мерзкая тетка схватила мою оранжевую курточку с надписью на спине «Морская полиция Лос-Анджелеса» и напялила ее на себя.

– Вы не беспокойтесь, я завтра занесу.

Вы ведь дома работаете, так я уж без звонка, – донеслось уже с лестницы.

Я жутко разозлилась, не из-за куртки, а из-за того, что Луиза припрется завтра. Зачем она ко мне ходит? Что ей нужно? Ишь как засуетилась, когда я прямо обвинила ее в том, что она рыщет по квартире. Причина может быть только одна. Судя по всему, умом она не блещет. И монография, конечно, если она ее пи-

шет, двигается с трудом. И нахальная тетка решила под предлогом поисков старой статейки пошарить в материалах Валентина Сергеича, надеясь, что я, не разбираясь в химии, оставлю ее одну и она сможет хапнуть, что плохо лежит. Только так можно объяснить Луизины набеги на нас с Горацием. Ладно, еще раз потерпеть, и все кончится.

Завтра я ее даже в прихожую не впущу, пускай куртку под дверь просовывает.

* * *

Невысокая худенькая женщина в ярко-оранжевой куртке с надписью на спине «Морская полиция Лос-Анджелеса» закрыла за собой дверь подъезда и торопливо зашагала к автобусной остановке. Она выглядела настолько озабоченной, что не сразу заметила, как сильно идет дождь. Только ощутив на лбу холодные капли, она очнулась и накинула капюшон. На остановке никого не было, автобус только что ушел. Женщина расстроенно огляделась и заметила неподалеку телефонную будку. Она бросилась туда и, увидев исправный телефон-автомат, хоть и устаревшего образца, облегченно перевела дух. Она набрала номер по памяти, никаких записей, как ее учили.

– Это Луиза, – прошелестела она в трубку, не до-

жидаясь, пока там скажут «Алло». – Понимаете.., сегодня я столкнулась с чем-то странным… Что-то не так…

Она замолчала, слушая строгую отповедь, и не заметила, как дверь будки легко приоткрылась. Женщина краем глаза отметила какой-то блик на стекле, хотела повернуть голову, но из-за накинутого капюшона этот маневр не удалось сделать достаточно быстро. Рука в черной перчатке зажала ей рот, вторая рука натянула капюшон почти до подбородка. Трубка выпала из ослабевших пальцев и закачалась на шнуре. Свободной рукой убийца подхватил трубку, обернул металлический шнур вокруг худой шеи женщины и коротким резким движением затянул его. После этого он вытряхнул содержимое потертой сумки и переложил себе в карманы. Потом он послушал немного, как из трубки доносятся короткие тревожные гудки, усмехнулся и аккуратно надавил на рычаг.

* * *

Рано утром в мою дверь опять кто-то требовательно позвонил. Ну что же это такое, не квартира, а проходной двор. Помня наставления Олега, я глянула в глазок и сурово спросила:

– Кто там?

– Городская телефонная сеть, – не менее сурово ответил невысокого роста крепенький такой дядечка.

– Что – прямо-таки целая сеть? – осведомилась я. – И вся – в мою квартиру?

– Еремеев Юрий Павлович, – представился дядечка и сунул к глазку книжечку удостоверения.

Линза глазка исказила изображение, так что разобрать что-либо было невозможно, но уверенность и напор Еремеева производили впечатление.

– И что же вам, Юрий Павлович, нужно конкретно от меня?

– На вашем номере повышенная подсадка. Есть предположение, что у вас избыточное сопротивление. Нужно проверить телефонную проводку в квартире.

Я в таких вещах абсолютно не разбираюсь, он мог сказать мне совершеннейшую чушь, я бы и поверила. Но нельзя в конце концов до такой степени не доверять людям… Все же человек на работе. Помня об Олеге, я накинула цепочку и приоткрыла дверь.

– Покажите еще раз удостоверение.

Он послушно просунул удостоверение в щель, я прочитала:

– Еремеев Юрий Павлович.

Действительно, Юрий Павлович. А сверху странички напечатано: «Городская телефонная сеть».

– Хорошо, заходите.

Еремеев зашел в квартиру и огляделся.

– Где у вас телефон?

– В квартире два аппарата, один – в коридоре, второй в кабинете.

– В кабинете? – Мне показалось, что в глазах мастера зажегся излишний интерес. – Вот с кабинета я и начну.

В коридор, позевывая, вышел Гораций.

Мне сразу стало как-то спокойнее, однако этот мастер прореагировал на Горация совершенно не так, как все остальные посетители.

Обычно люди при виде здоровенного ротвейлера пятятся и спрашивают, не злая ли собака, или демонстрируют показное дружелюбие, чтобы скрыть внутренний страх. Еремеев же бросил на Горация оценивающий взгляд и как-то неприятно ухмыльнулся – мне показалось даже, что в этой ухмылке он чуть заметно обнажил клыки, как собака при виде противника… И Гораций, старый ленивый обжора, вздрогнул и попятился. Ах ты, несчастный трус! Защитник, называется! Не видать тебе мяса, как своих купированных ушей, переведу на овсянку!

– Хороший ротвейлер, – спокойно прокомментировал Еремеев, – крупный. Только перекормленный и стареет.

В его оценке мне послышалась скрытая угроза:

«Стареет… Перекормленный… В общем, не защитник».

– Покажите, где у вас кабинет.

Я провела его в кабинет и встала, скрестив руки на груди.

– Вы занимайтесь своими делами, – бросил в мою сторону мастер, – я тут сам разберусь.

– Ничего, ничего, я посмотрю. Я люблю смотреть, как другие работают.

Он перевернул телефонный аппарат и глубокомысленно посмотрел на него снизу.

Потом подергал провод, прошел вдоль него до стены и потыкал пальцем в розетку. Покосился на меня, я всячески демонстрировала внимание – мол, все вижу, ничего не утаишь от моего взгляда.

Мастер вынул отвертку, снял крышку розетки, потыкал внутри отверткой и опять закрыл крышку. Снова покосился на меня:

– Вы мне водички не принесете попить?

В горле пересохло. Самой простой – из-под крана.

«Ага!» – подумала я.

Хочет меня из кабинета выпроводить.

Так вот фиг тебе!

– Зачем же из-под крана? Из-под крана вредно, там всяких примесей много – хлор, фтор, тяжелые металлы. Вот, возьмите минеральной.

Я открыла маленький бар тут же в кабинете и достала бутылку минеральной воды «Бонаква».

Еремеев сдержанно поблагодарил, отпил один глоток и поставил стакан на стол.

Потом снова взял в руки телефонный аппарат и начал разглядывать его с умным видом. Его действия мне нравились все меньше и меньше. Разумеется, я нисколько не разбираюсь в технике, но если он пришел, чтобы замерить сопротивление, то надо же приборами его замерять, а не пальцем и отверткой. Словно прочитав мои мысли, Еремеев открыл чемоданчик и вынул оттуда непонятно что. Но когда я подошла поближе и, вытянув шею, увидела этот предмет, то мне стало нехорошо, потому что Еремеев вынул из чемоданчика здоровенный гаечный ключ!

«Сейчас он меня огреет ключом по голове, и привет. Гораций, негодяй, куда-то запропастился, и вообще на него никакой надежды. Оглушит этот чертов мастер меня ключом и сделает все, что ему нужно. А что ему, собственно, нужно-то?»

Еремеев неторопливо шагнул в мою сторону И в это время снова зазвенел дверной звонок. Я бросилась к дверям, как леопард на охоте, одним прыжком и, ничего не спрашивая, мгновенно открыла. Мне было все равно, кто там пришел, хуже уже не будет…

На пороге стоял мой первый муж Артем, и я вздох-

нула с облегчением.

Артем вошел в квартиру, и его сразу стало много.

– Ну, привет! – Он сграбастал меня по-хозяйски, я еле высвободилась из его объятий.

– А чего дверь, не спрашивая отворяешь? Почувствовала, что я пришел?

– И ты туда же?

– Что значит – и я? А кто там у тебя?

Эй, мужик, ты кто такой?

– Телефонный мастер, – ответил появившийся Еремеев, – и уже ухожу. Никакого избыточного сопротивления я у вас не нашел. Так и говорите, если будут звонить из управления – Еремеев не нашел.

И он удалился быстрым шагом, а пока я переводила дух и прижимала руки к сердцу, Артем уверенно устремился на кухню.

– О-о! – издал он радостный вопль. – А у тебя, оказывается, здесь приличная жратва!

– Красную кастрюлю не трогай! – крикнула я слабым голосом. – Это для Горация И только я хотела было направиться в ванную, чтобы привести себя в порядок, потому что телефонный мастер поднял меня ни свет ни заря прямо с постели, как опять-таки раздался звонок в дверь. Сговорились они все, что ли!

– Кто еще гам? – гаркнула я, не удосужившись глянуть в глазок, все равно ни черта там не видно.

– Милиция, – вежливо ответили из-за двери. – Воробьева Лариса Павловна здесь проживает?

Этого еще не хватало, милиция зачем-то по мою душу. Из кухни доносился стук вилки о кастрюлю. И в тарелку ему лень положить, гак из кастрюли и жрет!

– Артем! – истошно завопила я. – Открой дверь, там милиция!

Явились Артем и Гораций, открыли дверь.

И вы можете представить себе мое возмущение, когда я увидела, как негодяй Гораций рычит, захлебывается от лая и просто-таки жаждет разорвать на кусочки двоих довольно симпатичных молодых людей. Значит, всяких сомнительных личностей вроде Луизы и телефонного мастера он запросто пускает в квартиру, а милицию почему-то сильно не любит.

Артем с трудом удерживал осатаневшего ротвейлера за ошейник.

– Да идите вы обратно на кухню! – крикнула я.

Старший из прибывших показал мне удостоверение.

– Мех… – запнулась я.

– Моя фамилия – Мехреньгин. Это река такая – Мехреньга, – пояснил он.

– Ну-ну, – вздохнула я. – Так что вам угодно?

– Это – ваша? – Он показал мне квитанцию за телефонные переговоры.

– Моя, – кивнула я. – Вы же сами видите, номер мой.

– Когда вы ее оплачивали? – строго спросил Мехреньгин.

– Опять-таки можно посмотреть, – удивилась я, – там же есть дата.

– Оплачена она месяц назад, судя по коду – разговор был с Москвой.

– Ну да, – обрадовалась я, – теперь припоминаю – звонила я в Москву, в издательство, кучу денег наговорила, потому что днем звонила, по высокому тарифу. А как она у вас очутилась?

– Это мы вас должны спросить – когда вы видели эту квитанцию в последний раз? – спросил младший из милиционеров, розовощекий и даже, кажется, синеглазый.

– Понятия не имею, – честно призналась я, – я вообще думала," что она дома, лежит со всеми квитанциями в общем конверте.

– Напрасно вы так думали, – протянул старший, Мехреньгин или как там его.

– Слушайте, скажите прямо – что случилось? – рассердилась я.

– А почему вы думаете, что что-то случилось? – продолжал валять дурака розовощекий.

– Потому что вы не пришли бы ко мне вдвоем с утра

пораньше, если бы нашли эту квитанцию в магазине или на собачьей площадке, – я окончательно разозлилась и даже мелькнула мысль, что Гораций был не так уж не прав, когда набрасывался на этих двоих.

– Тогда объясните мне, каким образом ваша квитанция нашлась в кармане убитой вчера вечером женщины? – железным голосом вопросил все тот же Мехреньгин.

– Так бы сразу и сказали, – ворчливо начала я, но осеклась на полуслове. – Что, что случилось?

– Вчера вечером на автобусной остановке нашли мертвую женщину, – терпеливо объяснил Мехреньгин. – У нее в кармане куртки мы обнаружили эту квитанцию.

– Ах да, куртка! – вспомнила я.. – Все сходится.

– Что сходится? – Они оба смотрели на меня с большим подозрением.

– На ней была моя куртка, а квитанция валялась в кармане уже давно, я и забыла.

Мы зашли тогда в сберкассу вместе с Горацием, по пути.

– Гораций может это подтвердить? – машинально спросил Мехреньгин. – Как его фамилия?

Он замолчал от тычка в бок, Потому что второй милиционер, пухлощекий, которого звали Дима, увидел по моему лицу, что я сейчас умру от смеха, и все по-

нял про Горация. Я в свою очередь взглянула на Мехреньгина и поняла, что он не полный идиот.

Просто человек не спал ночь, вот и зарапортовался.

– Гораций ничего не сможет подтвердить, он собака, – мягко начала я. – Квитанция находилась в кармане оранжевой куртки, это моя собачья, так сказать, одежда. Куртку эту я вчера вечером дала надеть Луизе Семеновне Плойкиной, потому что шел сильный дождь, а у нее не было зонтика.

Далее я достаточно подробно объяснила им, кто такая Луиза, как она оказалась в моем доме и почему шла вечером одна.

– А теперь вы мне расскажите, как она была убита!

– Ее задушили телефонным шнуром.

Скорее всего, с целью ограбления, – вздохнул Мехреньгин.

– Да что у нее брать-то? – воскликнула я.

– – И не говорите, – он понурился, – из-за буханки хлеба могут человека убить. Совсем народ с катушек сошел.

– Ну надо же, – растерянно протянула я, – ужас какой!

Во мне проснулись некоторые угрызения совести. Если бы вчера я не выперла Луизу под дождь, она не встретила бы грабителя и, возможно, осталась бы жи-

ва. Либо дождь бы прошел и на улице оказалось больше народу, либо же грабитель успел отыскать ,бы себе другую жертву. Но тогда пострадал бы кто-то другой, возразила я себе, и, возможно, он был бы не такой противный, как Луиза. Я вспомнила, как она шарила в кабинете Валентина Сергеевича, и поняла, что по-прежнему не испытываю к ней теплых чувств.

Милиция наконец убралась восвояси, обрадовав на прощание, что меня еще вызовет следователь. Расстроенная, я потащилась на кухню, чтобы выпить кофе и собрать в кучку ускользающие мысли.

Артем, оставленный без присмотра, сожрал остатки вчерашнего обеда, приготовленного Олегом. Кроме того, он вообще полностью опустошил холодильник, так что нужно было идти в магазин. А я-то хотела сегодня целый день посвятить Бельмону!

– Тебя что – дома не кормят? – холод но осведомилась я.

– А почему это, как ни придешь, все у тебя холодильник пустой! – немедленно отреагировал Артем, будучи, как всегда, на высоте своего потрясающего хамства.

– Как это – пустой? – я, как обычно с Артемом, завелась с пол-оборота. – Был полный. Пока ты не пришел. И обед мой сегодняшний, между прочим, ты сожрал. Жаркое по-мексикански! Было…

– Что, это? – Он пренебрежительно показывал на пустую кастрюлю.

– Именно это! – агрессивно наступала на него я.

– Да, ничего, – милостиво согласился Артем и добавил удивленно:

– А знаешь, ты научилась вполне сносно готовить.

И поскольку я промолчала, потому что жаркое готовил вчера Олег, Артем продолжал, ни капли не смущаясь:

– Если бы ты так готовила, когда мы были женаты, я бы тебя ни за что не бросил.

– Ах ты, паразит! – Я шагнула к нему и подняла уже руку, чтобы как следует двинуть, но не выдержала и рассмеялась. С ним всегда так, невозможно сердиться. Разумеется, он прекрасно помнит, что выгнала его я, доведенная до крайности бесконечными интрижками, но специально меня злит.

Артем встал и потянулся так, что разошлись пуговицы на рубашке.

– Ну и пузо! – не удержалась я. – Сколько же ты весишь?

– Девяносто два! – гордо ответил он. – И это еще не предел. Ну что, пойдем?

– Куда еще? – удивилась я.

– Как – куда? В спальню.

Это его обычные шуточки. Прекрасно знает, что ни-

куда я с ним не пойду. У меня принцип: если уж развелась с человеком, то все, никакого секса. А то, если еще и спать со всеми бывшими мужьями, то можно совсем запутаться.

– Нет, дорогой, – спокойно ответила я. – В спальню мы не пойдем. А пойдем гулять с Горацием. То есть ты пойдешь по своим делам, а мы тебя проводим.

– А зря, – серьезно сказал Артем. – Тебе нужна хорошая встряска. Ты стала нервная и вообще плохо выглядишь.

В его голосе неожиданно прозвучала такая забота, что я даже не обиделась.

– Ладно, надень на этого негодяя намордник, а я пока переоденусь.

Артем ушел искать Горация, а я удалилась в свою комнату. Натягивая джинсы и машинально рассматривая себя в зеркало, я с грустью убедилась, что Артем не врет. Выгляжу я действительно в последнее время неважно.

Какая-то нервная вокруг меня атмосфера.

Все время кто-то крутится возле. Вот например, телефонный мастер. Чего ему было надо? Ограбить мою квартиру? Или Луиза… Но с Луизой вопрос решен, больше она не придет. Как говорится, нет худа без добра. Или вчера, эти, насчет обмена… Не хочу я никуда из этого дома выезжать. И не поеду. Мне нра-

вится эта квартира, память о маме и Валентине Сергеевиче. Кроме того, Гораций привык и опять же, парк рядом, есть где гулять. Олег сказал, что эти красномордые – мелкая шушера. Но чего им тогда нужно?

Ведь в самом деле, неужели они думают, что заставят меня поменяться, вот силой заставят подписать все документы? Я же не пьяница какой-нибудь, которого можно обмануть, подпоить. Зачем же они угрожают? И почему их как ветром сдуло, когда Олег пугнул несуществующим Костей Орловским? Работают от себя? Тем более странно, потому что даже если они меня запугают настолько, что я соглашусь на обмен, у нотариуса все выплывет наружу, крупное агентство, которое занимается расселением квартир в нашем доме, все узнает. И у красномордых будут большие неприятности. На что же они рассчитывают?

В коридоре я машинально поискала на вешалке оранжевую куртку, не нашла, вспомнила Луизу и расстроилась. Какая ужасная смерть!

Дождь кончился, но на улице было сыро и холодно. Мы проводили Артема и уныло побрели в парк. Я не стала спускать паршивца Горация с поводка, мы медленно потащились по главной аллее, стараясь миновать многочисленные лужи. Я грустно размышляла о своей жизни. Артем, как это ни противно, прав. Выгляжу я в последнее время ужасно. Во-пер-

вых, смерть мамы, болезнь Валентина Сергеича и его смерть очень на меня повлияли. Это естественно – я потеряла единственных близких мне людей. Где-то я читала, что со смертью родителей, когда бы это ни произошло, уходит молодость, потому что нет больше на свете людей, которые знали тебя маленькую. В моем случае это особенно тяжело, так как у меня нет ни сестер, ни братьев, ни подруг. И вот теперь я осталась совершенно одна. Одиночество редко кому на пользу. И я замечаю за собой, что начинаю потихоньку разговаривать вслух.

Если бы нужно было ходить на работу, то я хотя бы следила за собой, одевалась прилично, посещала парикмахерскую. Но поскольку выхожу я только в магазин или на прогулки с тем же Горацием, то глупо надевать приличные вещи. Так что выгляжу я как форменное чучело в стареньком плащике.

– Гораций, домой! – рявкнула я.

Он глянул обиженно, но покорился. Мы еще купили продуктов и побрели к дому.

И как раз в парадную входила та самая дама, про которую я вчера напридумывала, что ее убили и закопали в листья. Вот, этот случай лишний раз доказывает, что я стала рассеянна и впечатлительна. Какую историю сочинила. Можно подумать, что я не скромная переводчица, а знаменитая писательница детек-

тивных романов!

В парадной я придержала ретивого ротвейлера. Неизвестно, что ему взбредет в голову, а вдруг он захочет поздороваться с дамой, как с тем надменным типом в плаще.

Если испортить такое бешено дорогое пальто, любая женщина может озвереть. Гораций, возможно, и отобьется, а уж меня-то она точно разорвет на куски! И вот, глядя, как дама неторопливо поднимается один лестничный пролет до лифта, я похолодела. На женщине было все то же самое голландское пальто, темно-серое, с чуть седоватым ворсом. Но сегодня было холодно и воротник у пальто был приподнят, и его внутренняя сторона была бархатно-черной. Такой уж фасон. А до этого, то есть не вчера, но когда я раньше рассматривала элегантную даму в пальто, то на том пальто воротник был такой же, как и весь материал, темно-серый. Уж это я точно помню, потому что пальто запало мне в душу накрепко. Бывает так – увидишь вещь и чувствуешь, что жить без нее не можешь. Но в случае с пальто мне ничего не светило. Потому что как-то я совершенно случайно увидела в бутике на Вознесенском такое же пальто. Со всех сторон его ощупала и на воротничок, конечно, поглядела. И стоило это пальто столько, что единственное доступное мне удовольствие было – пощупать и повертеть его со

всех сторон. Так вот, сегодня на странной моей соседке было именно пальто из бутика на Вознесенском, потому что предположить такое свинство, что в городе существует несколько таких дорогущих пальто, было бы нелепо.

В бутике на Вознесенском я оказалась совершенно случайно, обычно мне не приходит в голову посещать такие дорогие магазины.

Тогда позвонил Артем и пригласил меня на фотовыставку одной своей знакомой. Выставка была ужасно модная, я захотела пойти, чтобы отвлечься от грустных мыслей.

И вот в самый последний момент, когда я навела красоту, эта скотина Артем приехал и заявил, что он очень спешит, пойти со мной никак не может, и что там в машине меня – ждет его жена Неонила, которая с удовольствием составит мне компанию. Ну как вам это понравится! Но я не удивилась, Артем еще и не то может отмочить. Уж не знаю, что он наплел про меня Неониле, возможно наврал, что я нахожусь в тяжелейшем нервном состоянии, но она согласилась его заменить. Да она вообще тетка покладистая, ей-богу, я хорошо к ней отношусь!

И мы отправились на выставку вдвоем.

Больше всех разочарованной казалась девица, хозяйка выставки, надо думать, она имела значитель-

ные виды на Артема. Взглянув на ее расстроенное лицо, мы с Неонилой пришли в чудное расположение духа и прекрасно провели время. Мы наскоро пробежались по залу, сказали дежурный комплимент фотодевице, который она приняла довольно кисло, и пошли прогуляться. Посидели в кафе, поболтали в свое удовольствие, а потом заскочили в тот самый бутик, потому что там работала Неонилина племянница. Вот там я дорвалась до пальто и даже примерила его. Но, откровенно говоря, сидело оно на мне не так чтоб очень, возможно оттого, что было чуточку великовато. Помню, как я тогда удивилась, увидев такое же пальто. Ведь за ту цену, что платила моя соседка за свое, она была вправе рассчитывать, что больше такого пальто в нашем городе никто не носит. И вот по чистой случайности в бутике оказалось точно такое же, только немного отличались карманы и воротник.

Значит, пальто на странной моей соседке – другое. Но тогда из этого следует, что и сама дама другая. Потому что покупать два точно таких же пальто никакая женщина не станет, пусть даже она и сильно со странностями. И тот случай в Сосновке вчера мне не привиделся. То есть ту, настоящую мою соседку, они куда-то дели. А взамен подсунули самозванку. Чушь какая! Определенно у меня поехала крыша, причем с большой скоростью. Надо выбросить из головы паль-

то и сосредоточиться на работе, это меня отвлечет.

Но мысли бежали дальше в направлении пальто без моего на то позволения.

Значит, допустим, что даму подменили.

У нее в нашем доме только одна примета – пальто. И еще рыжеватые волосы, а лица толком никто не видел, потому что она его закрывала, стеснялась шрамов. Так что надев парик и смоделировав походку, соседей можно водить за нос достаточно долго. Следовательно, тогда, в Сосновке, я видела если не убийство, то похищение. Значит, в то время, пока мы боролись с Горацием в кустах, те двое спрятали женщину под мусором в грузовичке и увезли. И угораздило же меня в это время оказаться в Сосновке! Хорошо, что все обошлось.

Обошлось ли? Внезапно я так резко вскочила с дивана, что даже Гораций приперся из другой комнаты узнать, что со мной произошло. Какая же я дура! Ведь Луизу убили по ошибке, а на самом деле хотели убить меня, чтобы устранить свидетельницу. Ну да, они в Сосновке запомнили куртку, такое вряд ли можно забыть. Потом вычислили, где я живу – куртка плюс ротвейлер, – тоже нетрудно сопоставить, выжидали удобный момент, и вот вечером из моей квартиры выходит женщина в моей куртке – что еще можно подумать? Естественно, это я. Правда, Луиза, конечно,

была пониже ростом и постарше меня лет на пятнадцать, но в темноте и при сильном дожде убийца мог этого не заметить.

И что теперь делать? Идти в милицию?

Кстати, они скоро сами меня вызовут. И 7-ам рассказывать всю историю про пальто, про Сосновку и странную даму? С одной стороны – совершенно невероятная история, а с другой – ярко выраженная мания преследования, вот это что. И следователь в первую очередь подумает именно это, ведь он меня совершенно не знает. Значит, надо посоветоваться с человеком, который меня хорошо знает, которому известно, что я не врунья и не фантазерка. Олег! Нужно рассказать все Олегу, он поможет.

Я походила немного по комнате, даже закурила сигарету, хотя дала Горацию слово, что брошу, он не выносит запаха табачного дыма. Итак, я представила, как буду рассказывать обо всем Олегу, как он будет слушать меня очень внимательно и поглаживать по руке, и со всем соглашаться, а потом скажет, что мне надо отдохнуть, что он купит мне очень хорошую путевку, в санаторий там или на курорт…

Все ясно, они все считают, что я малость с приветом. Поэтому и шляются сюда так часто, боятся, что по рассеянности подожгу квартиру или с собой что сделаю. Я представила, как они собираются на воен-

ный совет у того же Олега, как распределяют дежурства, кто пасет меня сегодня, кто – завтра, и жутко разозлилась.

Кто дал им право считать меня ненормальной? Разве я хожу по дому в разных носках и одежде наизнанку? Сидит человек дома, спокойно работает, а ему все мешают.

Что странного в том, что я нахожусь дома?

Вот и Олег все время заводит разговор о работе, спрашивает, почему я не устраиваюсь.

А я не говорю им о Бельмоне, чтобы не сглазить. Уж очень жаль будет, если с Бельмоном ничего не получится. С другой стороны, я никому не рассказываю, что Валентин Сергеевич оставил мне достаточно денег. Это из-за Артема. Он будет занимать деньги, а потом ни за что не отдаст, он никогда не отдает.

Но если поразмыслить, то в глазах своих мужей я действительно выгляжу не совсем нормальной: бросила работу, целыми днями слоняюсь по квартире нечесаная, в старых джинсах, живу непонятно на что. Не случайно Олег так заботится о моем питании, Артем пытается взбодрить меня доступными ему способами, а Евгений ведет душеспасительные беседы о вреде алкоголя и наркотиков.

Кстати, что-то его давно не было. И в такой ситуации если я расскажу им про случай в Сосновке, они

решат, что я окончательно сошла с катушек. Да, но Луизу-то действительно убили! Это – факт. Артем знает, что приходила милиция. Тем более, они подумают, что смерть Луизы так на меня повлияла, что я немедленно начала выдумывать небылицы.

Но ведь я ничего не выдумываю и доказательство этому – пальто! Если я смогу доказать, что было два пальто, – это уже что-то конкретное. Смотаться, что ли, в тот бутик на Вознесенском? Хорошо бы вместе с Неонилой, мне будет больше доверия. Как бы в ответ на мой призыв Неонила позвонила сама.

– Привет, наш у тебя?

Это она так Артема называет – «наш».

– Был, ушел уже, – ответила я, – а что случилось?

– Жалость какая, – расстроилась Неонила, – думала его у тебя застать. Звонили из «Лилии», требовали статью срочно, говорят, еще третьего дня обещал сдать, а он, похоже, вообще про нее забыл.

– А что это за журнал – «Лилия»?

– Это вроде как обычный дамский журнал, но только для молодых женщин.

– И давно он в нем сотрудничает?

– Уже год почти, как он появился. Статьи пишет и целую рубрику ведет – «Младшая сестренка». Это уж совсем для девочек молоденьких.

– Чему Артем может научить молоденьких дево-

чек? – искренне удивилась я.

– Что ты, у него так здорово получается, – хохотала Неонила. – У него псевдоним – «тетя Ира», так и пишет – «Советы тети Иры».

– Ну и ну!

– Так не знаешь, где он может быть?

– А ты по мобильнику-то звонила?

– Да у него мобильник третий месяц отключен за неуплату!

– Что, так плохо дела идут?

– У него не очень-то, – неохотно созналась Неонила.

– Тогда я знаю, где его искать: у Витьки Бармалеева. Если дела плохо идут, он вечно у Витьки торчит. Они роман пишут, лет пятнадцать уже этим делом занимаются.

Когда у Артемчика дела плохо идут, денег не платят или вообще он с работы уволился, то он сразу вспоминает, что в нем погибает великий писатель, и бежит к Витьке.

А Витька всегда на месте, он работает оператором газовой котельной по принципиальным соображениям – считает, что работа не должна отвлекать от творческого процесса. А поскольку за творческий процесс ему вообще ничего не платят, его опусы пылятся в той же котельной абсолютно никем не востребованные,

то он и выбрал работу в котельной, там надо только за приборами следить, а голова свободна. Так что рано или поздно Артем к Витьке попадет, ты не сомневайся.

Неонила записала телефон начальника котельной и отключилась.

Я накормила Горация, вымыла посуду, оставшуюся от Артема и привела квартиру в относительный порядок. Потом я приняла душ, накрасилась и уложила волосы. Теперь в зеркале отражалось что-то вполне приличное. Не могу сказать, что я красавица, но при хорошей косметике и со вкусом подобранной одежде выгляжу все еще неплохо.

В середине дня опять позвонила Неонила и радостным голосом сообщила, что все в порядке, она выдернула Артема от Витьки, он уже дома и садится за статью. Но все дело в том, что когда Артем работает, он становится необыкновенно противным, все время требует, чтобы ему приносили то кофе, то крепкий чай с лимоном, то бутерброд с ветчиной, то вообще пирожок с грибами.

– Ну ты его и распустила! – возмутилась я.

– Ага! – она согласилась. – Но делать нечего, теперь его обратно в оглобли не ввести, так что я просто ухожу из дома, он не отвлекается на пирожки и спокойно работает.

Дальше она пригласила меня прогуляться. Я подавила в зародыше мысль, что приглашает она меня по наущению Артема и согласилась, только просила зайти со мной в тот бутик на Вознесенском.

– Ты что, собираешься покупать то пальто? – встревожилась Неонила. – Такие деньги!

– Да знаешь, запало оно мне в душу, – тянула я, думая со страхом, что если пальто все еще висит там, то я буду иметь бледный вид, не покупать же его в самом деле!

– Ладно, идем, я тебя отговорю! – пообещала Неонила.

Представляете, какое я почувствовала облегчение, когда узнала, что пальто нет. Его купили дней шесть назад. Такая шикарная дама, сказала Неонилина племянница, брюнетка, пальто на ней сидело отлично, – тут она покосилась на меня не без некоторого злорадства. И машина под стать хозяйке – бежевый «крайслер». На прощание я выяснила, что воротник у пальто с изнанки был, и верно, черный.

Неонила решила, что я расстраиваюсь из-за пальто и всячески меня утешала:

– Целее деньги будут!

Но меня волновало совершенно другое.

Если сделать допущение, что дама-соседка – совершенно другая женщина, то, отставив пока в сторо-

ну вопрос, для чего все это нужно, подумаем, чем это грозит лично мне. Допустим, теперь они уже знают, что устранили не ту свидетельницу. А возможно, убийца понял свою ошибку еще вчера, сразу после убийства, и именно поэтому они прислали ко мне с утра пораньше телефонного мастера Еремеева? И я, идиотка, сама впустила его в квартиру. И он собирался меня убить. Я поежилась, как от холода, Неонила даже забеспокоилась и спросила, как я себя чувствую.

Пришлось взять себя в руки и распрощаться с ней по-хорошему. Я продолжила свои грустные размышления в метро.

Этак они меня в покое не оставят. Может, все же поделиться с Олегом? Но уж очень я была сердита на них на всех за то, что опекают и держат за чокнутую. Ладно, попробую выкрутиться сама. Выходить из дома только с Горацием, гулять при дневном свете и на открытых местах. Открывать только знакомым, никаких телефонных мастеров и техников из жилконторы. Если закрыться на все замки, то так просто в квартиру не попадешь – нужны специальные инструменты. Замки и двери у Валентина Сергеевича – будь здоров, обстоятельный был человек. Внезапно я остро позавидовала своей матери, что она прожила двадцать лет с человеком, который смело брал на себя любые трудности, встречавшиеся в наше сумасшед-

шее время.

Что это со мной? Помню, Олег, когда мы ссорились, говорил, что мне никто не нужен, что я прекрасно могу жить одна и в глубине души только об этом и мечтаю. И действительно, одной мне никогда не бывает скучно.

И с мужьями я каждый раз расставалась довольно безболезненно, поэтому мы и сохраняем дружеские отношения после развода. Однако теперь они все почему-то решили, что одиночество действует на меня губительно.

На этот раз у лифта я столкнулась с тем надменным белобрысым типом, которого вымазал Гораций. Плащ был тот же самый, но безукоризненно чистый, видно, успел уже в чистку сдать, за срочность небось заплатил!

Я не сказала ему ни слова, он тоже посмотрел равнодушно, видно, не узнал меня в приличном виде.

– Четвертый, – коротко сказала я, когда мы вошли в лифт.

Тип молчал и даже не делал попытки нажать кнопку.

– Четвертый! – громко повторила я и, видя, что он не тронулся с места, рванулась к панели с кнопками. – Вы что, ехать не собираетесь? Зачем же тогда в лифт садиться?

– А? – Он очнулся, тряхнул головой и уставился на

меня в полнейшей растерянности.

– Что вы сказали?

– Ничего, все в порядке, – успокоила я его.

Мне стало неудобно. Ну, задумался человек, а я сразу рычу. Подумаешь, задержался в лифте ненадолго. Он потер виски и отвернулся. Тут мы приехали на четвертый этаж.

Я вышла и направилась к своей квартире, но, доставая ключи, заметила, что сосед с шестого и не думает закрывать лифт. Он смотрел на меня с интересом.

– Простите, вы – родственница Валентина Сергеевича?

– В некотором роде, – неохотно подтвердила я.

Все понятно, он из тех мужчин, которые разговаривают вежливо только с интересными женщинами, а всяких замухрышек в старом мамином плащике откровенно презирают, просто в упор их не видят. Небось, когда на машине ездит, окатывает бедных старушек грязью из лужи, сволочь!

– Как поживает Гораций? – продолжал белобрысый.

– Вы же видите, прекрасно, – я кивнула на дверь, за которой раздавался басовитый лай – этот лежебока все же решил отреагировать на поворот ключа и голоса.

– Привет ему от меня.

– Так вы знакомы? – удивилась я.

– Немножко. Мы общались с вашим.., с Валентином Сергеевичем до того, как.., случилось несчастье.

Чудно! Сначала четыре месяца больной человек чахнет в четырех стенах в обществе угрюмой собаки, а после его смерти начинается форменное паломничество, все вдруг уверяют, что дружили с Валентином Сергеичем и страшно его любили. Если провести параллель с Луизой, которая ходила, чтобы пошарить по квартире в поисках материалов, то что надо от меня этому белобрысому и явно не бедному типу?

Очевидно, такие нелестные мысли отразились у меня на лице, потому что сосед пробормотал не то «простите», не то «всего наилучшего» и уехал наконец на свой шестой этаж.

Гораций встретил меня ласково, я даже удивилась. Возможно, он просто хотел есть.

Когда вечером мы возвращались с прогулки, у подъезда стоял молодой человек и под присмотром Раисы Кузьминичны устанавливал домофон. Раиса рассказала, что последнюю квартиру в подъезде расселили, теперь живут люди приличные, и что домофон – мера временная, потом переделают двери и посадят либо вахтершу, либо настоящего охранника, как жильцы договорятся. Я сказала, что заранее согласна на охранника, сколько бы это ни стоило.

Вот и еще один день прошел, а я и не прикоснулась к Бельмону, – с грустью констатировала я за ужином. Если так дальше пойдет, то я и за год его не закончу. Еще, чего доброго, меня опередит какой-нибудь ушлый тип, переведет роман кое-как, и люди его не оценят. Хорошо бы сесть сейчас за перевод, но по ночам я работать не могу-, так уж устроен мой организм. Вечер я провела у телевизора, попивая чаек с сахаром вприкуску. И даже фильм понравился, что-то террористическое в пустыне и джунглях.

Меня разбудила луна. Она нахально светила в окошко прямо сквозь занавески. Я села на диване, кутаясь в одеяло. В квартире была полная тишина, даже Гораций не возился.

И внезапно на меня нахлынула лютая тоска.

Эта квартира, где много лет жили двое любящих людей, сохранила часть их счастья. Вот на стене висит мамин портрет в раме, любовно сделанной самим Валентином Сергеевичем, на столе часы с надписью «Любимому…», весь уют, созданный мамой не просто так, а для него, единственного, самого лучшего. И я со своими комплексами и отвратительным характером никогда здесь не приживусь. Квартира меня не примет. Я здесь только для того, чтобы опекать Горация.

Раздался не то вздох, не то стон. Я встала и пота-

щилась в кабинет. Там на полу возле пустого кресла распластался Гораций. Вся его поза выражала глубочайшее отчаяние. Я нагнулась, и под руку попался горячий шершавый нос.

– Гораций, миленький, ты не заболел?

Гораций не заболел, он страдал. Луна разбудила его, и он вспомнил, как он был счастлив здесь, когда были живы хозяева. Он зарычал на меня низко, утробно: «Уйди по-хорошему». И я подумала, что Гораций хотя бы знает, по ком страдает. А отчего же тоскую я? По ком, выражаясь словами Хемингуэя, звонит колокол? Неужели по мне самой?

Глупости, просто расшатались нервы.

Скоро начнем с Горацием хором выть на луну. Определенно, квартира на меня плохо влияет. И так ли уж не прав Олег, когда утверждает, что я изменилась? Разумеется, к худшему, – думает он, но вслух сказать это боится.

Я совершенно сознательно вызвала в себе мысли о мужьях, чтобы разозлиться. Немного помогло, но спать по-прежнему не хотелось. Моя мать абсолютно серьезно утверждала, что лучшее средство от бессонницы – это плечо любимого человека, дескать, как только опустишь на него голову, так сразу все неприятности отходят на задний план, и спокойно засыпаешь. Подумать только – трое мужей, и ни у одного на

плече я не могла спать спокойно! Однако одной в комнате находиться в эту ночь было невозможно – проклятая луна действовала на нервы. Горация было не зазвать, даже если бы я перетащила его подстилку, он бы все равно не пришел. Поэтому я надела шерстяные носки, связанные мамой, ее же теплый халат и расположилась в кабинете за письменным столом Валентина Сергеевича.

Обычно я работаю у себя, в их бывшей гостиной, там стоит мой компьютер. И сплю я там же, на диване.

Я подвигала ящики письменного стола.

Кое-что я уже разобрала раньше, перед визитами несносной Луизы Семеновны, не тем будь помянута. Остался один верхний ящик.

Там лежали какие-то отчеты, отдельные листочки бумаги с тезисами, и между ними я нашла тетрадь. Обычная такая тетрадка в клеточку, не очень толстая, сорок восемь листов.

Довольно затрепанная тетрадочка. И нарисованы на первом листке какие-то каракули, как будто трехлетний ребенок баловался. Как она здесь очутилась?

Машинально я пролистала тетрадку. Рисунки, сделанные нетвердой рукой, детские стихи. Все написано крупными неуверенными буквами, а вот в некоторых местах – четкий, летящий, с наклоном почерк Валентина Сергеевича. Мне ли его не знать – вон сколь-

ко рукописей пересмотрела опять-таки из-за Луизы! Понятно: этой тетрадкой Валентин Сергеевич пользовался уже после аварии. Очевидно, у него бывали просветления, и бедный старик занимался тогда тем, что привык делать всю жизнь – записывал свои мысли.

«…раньше, до аварии, синий форд» ехал за мной по улице, их слежка была совершенно беззастенчивой. И за рулем всегда сидел Дж. М. Теперь я вижу из окна, как знакомая машина приезжает, Дж. М, выходит и курит, облокотясь на капот. Не узнать его невозможно…"

Синий «форд» – это, конечно, плод его больного воображения. Но я так сочувствовала бедному Валентину Сергеевичу, что решила честно прочитать всю тетрадку от корки до корки. Тем более что все равно делать было нечего. Вот именно: в два часа ночи мне было совершенно нечего делать. Никто не ждет меня, никто не придет в кабинет и не спросит: милая, что же тебе не спится, болит что-нибудь или просто грустно? И как дошла я до жизни такой?

Ну уж это – оборот из моего любимого Бельмона. «Утраченная добродетель»!

Пожалуй, лучше перейти к тетрадке. На первой странице был нарисован домик с трубой, из которой идет дым, и два деревца рядом, а под ними подпись

детскими каракулями:

«Вот дом, который построил Джек».

М-нда-а, тяжелый случай. Господи, как жалко Валентина Сергеевича! Кстати, жалость тоже раньше не входила в список качеств, которыми я обладала. На следующей странице было намалевано нечто и вовсе несуразное, а внизу опять-таки домик и подпись:

«А это пшеница, которая в темном чулане хранится, в доме, который построил Джек».

И в самом уголке домика была стрелочка, обведенная в кружочек. Дальше я пролистала несколько страниц, где было сказано и про синицу, и про кота, и опять-таки нарисованы варианты различных домиков.

Очевидно, в детстве это стихотворение Маршака так глубоко врезалось Валентину Сергеевичу в память, что он вспомнил его даже после аварии. Наконец я дошла до ровно исписанных страниц. Было там и про синий «форд», который часто стоял под окном, и про таинственного Дж. М.

"…именно они преследовали меня раньше, до аварии. Очевидно, авария – тоже их рук дело. Но почему они так поспешили?

Дж. М, даже не делал попытки изменить свою внешность. Но главный в этой преступной группировке не он, а человек с нависшими бровями. Брежневские

брови"…

Но на этом его сходство с покойным генсеком заканчивается. У этого волосы достаточно длинные, но жидкие, гладко зачесанные, глаза маленькие и очень близко посажены, так что иногда кажется, что они могут скатиться по носу. Нос длинный, и рот с плотно сжатыми узкими губами. Выглядит он как злодей в оперетте, но таковым в жизни и является. Теперь мне уже не страшно.

Что они могут мне сделать? Все плохое уже случилось. Да и раньше я боялся не за свою жизнь, потому что мало осталось, и Тебя со мной уже нет… Странно, я всегда думал, что я уйду первым, все-таки десять лет разницы.

Но Бог рассудил иначе. Но я не отчаиваюсь, все равно, скоро мы вместе. А им никогда не найти…"

Дальше было такое впечатление, что пишущая рука сделала зигзаг, и потом опять пошли каракули. Очевидно, просветление закончилось. Я перечитала несколько листков еще раз. Если это бред, а это несомненно бред больного человека, то достаточно логичный. Он вспоминал маму, обращался к ней с такой любовью и тоской…

Но мания преследования налицо. Кто мог следить за пожилым человеком и желать ему зла? Особенно потом, после аварии. Да, кстати, авария. Что-то

там говорила следователь про угнанную машину? Ай, да какая теперь разница. Валентина Сергеевича все равно нет в живых. И я перевернула страницу. Дальше был опять сплошной Маршак.

«Вот дом, который построил Джек».

На это раз дом был нарисован другой – двухэтажный, с крыльцом-портиком, который поддерживали две деревянные резные колонны, а сбоку была деревянная же башня аж в три этажа. Симпатичный такой домик.

Дальше опять шли стихи, но дома рядом не было. И все то же самое:

«Дом, который построил Джек, а вот страница, которая в темном чулане хранится в доме, который…» и так далее.

.Синица, пшеница, страница… – старик определенно заговаривался, если можно так выразиться про человека, который вообще молчал четыре месяца. Надо пролистать тетрадь до конца и убрать подальше, нет сил наблюдать деградацию личности. Я вспомнила, как профессор, друг Валентина Сергеевича, бормотал со слезами на глазах: «Пропала, пропала голова», – и поняла, почему никто из сотрудников не навещал Валентина Сергеевича: им, кто знал его как человека блестящего ума, невыносимо было видеть его жалкого, потерянного, не сознающего, кто он. Так что

там дальше про Джека?

«Вот коробка, в которой страница, которая в темном чулане хранится, в доме, который построил Джек».

Очень складно, не хуже, чем у Маршака;

Я перевернула страницу.

«А вот ленивый и толстый пес без хвоста…»

Дальше были сплошные рисунки, изображающие Горация. Вот Гораций спит, положив голову на лапы, вот сидит, улыбаясь слюнявой мордой, а вот ест суп из здоровенной миски, вид сзади. Действительно, пес без хвоста, потому что тот симпатичный обрубочек, что у него сзади, хвостом считать нельзя.

И что мы имеем в итоге?

"А вот человек, одинокий и старый,
Который гуляет с псом этим парой,
Который совсем не имеет хвоста,
Но по характеру очень неробкий.
Интересуется желтой коробкой,
В которой находится в папке страница,
Которая в темном чулане хранится,
В доме, который построил Джек".

И дальше опять пошли сплошные каракули. Я посидела еще немного, тупо пялясь в тетрадку, а потом

пошла спать, предварительно запрятав ее подальше в ящик, решив, что подумаю над этим на свежую голову.

Разбудил меня телефонный звонок. Хорошо, что не в дверь ломятся, а то я уже привыкла, что покоя не дают. Телефон звонил настойчиво, и пришлось встать.

Звонила следователь, фамилия ее была Громова. Она требовала, чтобы я пришла к ней сегодня в два часа дня на предмет дачи свидетельских показаний о смерти Плойкиной Л. С.

– А сейчас сколько времени? – слабым голосом спросила я.

– Сейчас восемь тридцать, – железным голосом отчеканила следовательница. – Я специально позвонила пораньше, чтобы вы не ушли на работу.

Значит, этот козел Мехреньгин телефон следователю мой дал, а сказать, что я работаю дома, не удосужился. И теперь ни свет ни заря… Да ладно, все равно нужно вести на прогулку свое сокровище.

– Буду, – буркнула я в трубку и отключилась.

Выглянув в окно, чтобы узнать, какая нынче погода, я увидела, как из подъезда выходит белобрысый сосед с шестого этажа. На улице шел дождь, сегодня на нем было темное пальто, достаточно дорогое и элегантное.

Но хватит пялиться на чужие пальто', ни к чему хо-

рошему это не приводит. Настроение было хуже некуда. Во-первых, я не выспалась, потому что полночи просидела в кабинете, во-вторых – сегодня опять не удастся толком поработать над Бельмоном, потому что придется тащиться к следователю Громовой. Я узнала ее по голосу. Это она звонила мне тогда по поводу Валентина Сергеевича.

Кстати и выясним, нашли ли ту угнанную машину, так, для разговора. И если выскочить с Горацием ненадолго, то потом я смогу выкроить часа два на Бельмона, как раз закончу третью главу. Но и в этот раз мои намерения пошли прахом, потому что когда мы с Горацием подходили к дому, то увидели знакомую голубую «девятку», и из нее вышел мой второй муж Евгений.

– Редко заходишь! – приветствовала я его, а про себя добавила: «Отлыниваешь от дежурства».

Евгений не уловил сарказма в моем голосе, он вообще ко всему относился очень серьезно. Примером тому может служить его имя. «Меня зовут Евгений», – представился он мне в свое время при первом знакомстве.

И в дальнейшем вежливо, но твердо пресекал мои попытки называть его Женей, Женечкой и Жекой.

«Ведь невозможно представить себе, чтобы Евгения Онегина звали Женькой, – говорил он строго. –

Есть имя – Евгений, запомни, это очень важно».

Я запомнила и так прониклась важностью момента, что даже решила выйти за Евгения замуж. Скорее всего только потому, что он был полной противоположностью Артему – невысокий, худой, безукоризненно вежливый и страшно серьезный. Он очень любил рассуждать о смысле жизни, о месте человека среди себе подобных и так далее. А еще он очень любил выяснять отношения. В течение первого года нашей совместной жизни он так часто объяснял, что он ко мне чувствует, что мне это надоело. Однако года четыре мы с ним продержались. После развода Евгений больше не женился, он увлекся восточной философией, эзотерической литературой и трудами разных шарлатанов с индийскими фамилиями.

Евгений запер машину, пренебрежительно отмахнулся от Горация и протянул мне пачку книг.

– Ты обязательно должна это прочесть!

– Господи помилуй! «Дао самосовершенствования – путь к твоему внутреннему Катманду»! – прочитала я на обложке. – Зачем мне это?

– Ты не понимаешь. Это восстановит карму, – твердо ответил он. – У тебя очень плохая карма, нарушенная, тебе нужна новая.

– Чем же она так плоха? – Я пожала плечами. – По-моему, еще вполне ничего, можно немного походить.

Знаешь ведь, как я не люблю резко что-то менять. Я к новой карме могу не привыкнуть.

Видя, что он смотрит на меня по-прежнему строго и серьезно, я рискнула продолжить.

– К тому же вдруг новая карма будет узка мне в бедрах или жать под мышками?

– Ты все шутишь, – покорно произнес он, – а ведь я говорю совершенно серьезно.

– Я в этом не сомневаюсь, – кивнула я. – Ты всегда говоришь совершенно серьезно.

– Да, и вот еще – тибетский чай.

Я понюхала пакетик – пахло ужасно.

– Этим что – тараканов морят?

– Это пьют, – твердо ответил он, – а кофе и чай выброси.

– Да-да, – вздохнула я, – обязательно.

С Евгением лучше не спорить, а то он никогда не уйдет. Он поднялся со мной наверх, причем не позволил ехать в лифте, а заставил тащиться пешком на четвертый этаж.

– Ты бы хоть собаку пожалел, – твердила я, запыхавшись, но Евгений был неумолим.

В квартире Гораций сразу же уполз подальше, а я хотела было прошмыгнуть в ванную, но не тут-то было.

– Сейчас я помогу тебе снять напряжение! – заявил

Евгений. – Нужно еще карму выправить, но этим мы займемся позже.

Я взглянула на часы – прощай, Бельмон!

– Встань посредине комнаты босиком и подними руки! – скомандовал Евгений и открыл окно настежь.

Мне было очень стыдно стоять, как дура, босиком, с поднятыми руками, но не хотелось ругаться с утра пораньше – А теперь скажи на выдохе "О"!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.